

— Ваш Цинчжу пропал!

Линь Синь-нян вздрогнула. Руки у неё резко задрожали, и две лепёшки с мясной начинкой, которые она держала, тут же выпали.

Солнце ранней зимы не было жарким, но, падая на лицо Линь Синь-нян, всё равно будто слепило глаза. Перед глазами у неё вдруг потемнело, она ничего не могла разглядеть и качнулась в сторону.

— Мама! Матушка!

Майэр перепугалась до смерти. Только что она услышала, что брат пропал, а следом увидела, как мать от потрясения едва не падает. Девочка была весёлой, да и повзрослела раньше многих сверстниц, но всё-таки была ещё ребёнком и не выдержала такого удара - вскоре у неё на глазах уже стояли слёзы.

К счастью, Цуй Ланьфан успела подхватить Линь Синь-нян. Лю Гуюй и Цинь Жунши тоже поспешили подойти, а Ло Майэр вытащила скамейку и вместе с Цуй Ланьфан помогла Линь Синь-нян сесть.

Линь Синь-нян быстро пришла в себя, вцепилась в запястье Цуй Ланьфан и, испуганная до ужаса, спросила:

— Что значит пропал? Мой Цинчжу... сестра Ланьфан, что вообще случилось?!

Цуй Ланьфан и так была нездорова, а тут ещё всю дорогу бежала, так что теперь задыхалась, лицо у неё покраснелось, и она никак не могла отдышаться.

Переводя дыхание, она сказала:

— Что именно случилось, я и сама толком не знаю! Это Цишань! Он прибежал в нашу деревню искать человека, думал, что Цинчжу вернулся к матери. Только от него я и узнала, что Цинчжу пропал ещё вчера! Он уже искал в деревне Сяхэ, не нашёл, вот и пришёл искать в Шанхэ!

Даже такая крепкая женщина, как Линь Синь-нян, в этот миг не смогла удержаться: глаза у неё покраснели, а в душе всё смешалось.

— Как это пропал... живой человек, как он мог просто пропасть...

Она бормотала, вытирая слёзы, и начала торопливо собирать вещи. От тревоги она будто потеряла душу, шептала сама себе:

— Мне надо вернуться искать его... вернуться искать...

Линь Синь-нян совсем растерялась. Она собирала вещи кое-как, руки у неё тряслись, всё тело дрожало, как в лихорадке, и она даже выронила глиняную миску с нарезанным луком, разбив её вдребезги.

Лю Гуюй поспешил подойти, похлопал Линь Синь-нян по спине и сказал:

— Тётушка, не спешите так. Вы с Майэр сначала возвращайтесь искать Цинчжу, а прилавок я помогу вам собрать! Идите первыми!

Услышав это, Линь Синь-нян вдруг словно немного выдохнула. Она повернулась к Лю Гуюю, но ещё не успела ничего сказать, как слёзы уже потекли по щекам. Плача, она похлопала его по тыльной стороне ладони и хриплым голосом сказала:

— Хороший ты ребёнок... прости, что доставляю тебе хлопоты.

Сказав это, она потянула за собой Ло Майэр, которая тоже вытирала слёзы, и уже собиралась уходить.

И тут неожиданно заговорил Сун Цинфэн, тот самый, кто пришёл купить гуокуй, но так и не успел. На его лице нельзя было разобрать эмоций, только между бровей чуть собралась складка. Голос у него был низким и тяжёлым, и казалось, что настроение у него совсем плохое.

Он сказал:

— Тётушка, я пойду с вами. Я тоже родом из деревни Шанхэ. В детстве я тоже... играл с братом Чжу.

Линь Синь-нян была в полном смятении и не услышала странности в тоне Сун Цинфэна. Зато Лю Гуюй не удержался и бросил на него взгляд.

Линь Синь-нян покачала головой и сказала:

— Это слишком хлопотно для тебя. Тебе же ещё торговлю вести!

Но Сун Цинфэн ответил:

— Я умею править повозкой. У вас сейчас сердце не на месте. Если ещё и самой вести, боюсь, может случиться беда.

На это Линь Синь-нян уже не нашлась что возразить. Она всей душой переживала за своего сына-гэра и совсем не могла тратить силы на лишние споры. В конце концов ей оставалось только побеспокоить Сун Цинфэна и позволить ему съездить вместе с ними.

Несколько человек поспешно ушли. Оставшиеся Лю Гуюй и Цинь Жунши тоже уже не могли думать о торговле. Они проводили последнюю волну покупателей, а затем тоже начали собирать лавку, чтобы возвращаться.

□□*

Линь Синь-нян с остальными сперва вернулась в деревню Шанхэ, торопливо погоняя ослиную повозку. Линь Синь-нян и Ло Майэр сначала забежали домой. Дворовые ворота были крепко заперты, перед домом тоже не было того, кого мать с дочерью так жаждали увидеть. Ло Цинчжу явно не возвращался. Зато Ци Шань сидел, обессиленно привалившись к воротам, и всё его лицо было полно уныния и раскаяния.

Увидев его, Линь Синь-нян стала похожа на разъярённую львицу. Она бросилась к нему, вцепилась в ворот его одежды и принялась трясти изо всех сил.

— Где Цинчжу?! Где мой Чжу-гэр?!

Ци Шань будто потерял половину души. Глаза у него были пустые, он криво сидел у ворот. Линь Синь-нян трясла его так, что его мотало из стороны в сторону, но он не говорил ни слова. Затылок несколько раз ударился о створку, и старая деревянная дверь жалобно заскрипела, а он всё так же сидел, словно мертвец.

Линь Синь-нян была и зла, и напугана. Видя, что из него и тремя палками слова не выбьешь, она разозлилась ещё сильнее. Размахнувшись, она со всей силы ударила его по лицу и закричала:

— Ты немой стал?! Я тебя спрашиваю! Где мой Цинчжу?! Куда он делся?!

Она вложила в удар всю силу, так что вся рука у неё онемела. Половина лица Ци Шаня вспыхнула красным, а на щеке осталось несколько кровавых царапин - это ногти Линь Синь-нян задели кожу, когда она дала ему пощёчину. От удара Ци Шань завалился назад. Вес взрослого мужчины пришёлся на старую плетёную калитку, и с грохотом распахнулась половина створки.

Ци Шань упал внутрь двора и так и остался сидеть на земле. Судя по его потерянному, опустошённому виду, он был потрясён даже сильнее, чем Линь Синь-нян, родная мать Цинчжу.

Падение переполошило двух и без того настороженных больших псов во дворе, и оба тут же залились громким лаем. Не только Линь Синь-нян была в панике. Даже Цуй Ланьфан от

тревоги уже била себя в грудь и топала ногами. Сморщив лицо от беспокойства, она закричала:

— Да скажи же ты наконец! Когда вчера Цинчжу пропал? И из-за чего? Чжу-гэр - ребёнок разумный, он не мог просто так, ни с того ни с сего, исчезнуть!

Ло Майэр плакала от отчаяния. Сквозь слёзы она бросилась вперёд, стала пинать и бить Ци Шаня, крича:

— Где мой брат?! Где мой брат?! Верни мне брата!

В конце концов с места сдвинулся всё это время молчавший Сун Цинфэн. Он уставился на Ци Шаня, похожего на мертвеца, и крепко нахмурился. Вдруг он протянул руку, поднял его, будто мешок, и потащил во двор. Одним взглядом заметив стоявший у плетня большой чан с водой, он подтащил Ци Шаня к нему, схватил за голову и сунул лицом в воду.

Когда вся голова оказалась под водой, вода с бульканьем хлынула ему в рот и нос. Только тогда Ци Шань наконец будто ожил. Он забарахтался, руками и ногами отчаянно пытаясь вырваться; вода разлетелась во все стороны и намочила одежду Сун Цинфэна. Примерно через десять вдохов Сун Цинфэн вытащил его обратно, отпустил руку и злобно рявкнул:

— Очнулся? Говори!

Ци Шань вздрогнул, ссутулился, плечи его сжались. Дрожащими губами он пробормотал:

— В... вчера вечером пропал. Мы с ним... мы с ним немного поссорились. Он расстроился и ушёл. Я тогда тоже... тоже был зол и подумал... подумал, что он вернулся к родным. Поэтому не стал искать. А сегодня увидел, что он всё ещё не пришёл домой. Я обыскал всю деревню Сяхэ, но так и не нашёл...

Линь Синь-нян слушала и плакала. Кто, как не мать, знал своего ребёнка лучше всех? Она знала: её Цинчжу был самым послушным и разумным, он ни за что не стал бы из-за простой ссоры уходить из дома, да ещё и пропадать на целую ночь!

Наверняка с ним что-то случилось!

Ей было уже не до того, чтобы сводить счёты с Ци Шанем. Она развернулась и бросилась наружу, а остальные поспешно кинулись следом. Две большие собаки во дворе словно поняли, что случилась беда, и с лаем выбежали вслед за ними. Даже А-Хуан, позабыв о только что родившихся щенках, побежала за всеми.

Линь Синь-нян металась по деревне. Кого ни встретит - хватала за руку и спрашивала:

— Ты не видел моего Цинчжу? Не встречал Чжу-гэра?

Но большинство лишь махали руками и отвечали, что не видели.

Искали долго, но никаких следов так и не нашли. Дорога уводила всё дальше в сторону, людей вокруг становилось всё меньше. Лицо Линь Синь-нян побелело. Её дочь Ло Майэр плакала ещё сильнее, глаза распухли, словно персиковые косточки. Но Линь Синь-нян сейчас было не до утешений. Стиснув зубы, она продолжала искать и кричать:

— Цинчжу!

— Цинчжу!

И тут впереди вдруг раздался резкий собачий лай. Это лаяли Дахэй и А-Хуан. Если приглядеться, у берега можно было увидеть большую жёлтую собаку: она стояла лапами в воде, будто всё ещё собиралась перейти реку. А если посмотреть дальше, в саму реку, можно было разглядеть кусок серо-зелёной ткани, который то всплывал, то уходил под воду, медленно погружаясь ко дну.

— Это... это Цинчжу! Вчера на Цинчжу была именно такая одежда!

Первым заговорил как раз Ци Шань. Но, сказав это, он сам так перепугался, что рухнул на землю. Лицо его стало белым как бумага.

Лицо Линь Синь-нян побледнело ещё сильнее. Она истошно выкрикнула:

— Чжу-гэр!

Сказав это, она бросилась прямо в воду.

Именно Сун Цинфэн оттащил её назад, бросил одно: «Я пойду», и прыгнул в реку.

Цуй Ланьфан обняла Линь Синь-нян и тоже не смогла сдержать слёз. Баньбань держала Ло Майэр за руку и пыталась вытереть ей слёзы рукавом, но слёз становилось только больше. У самой Баньбань защипало в носу, и в итоге две девочки просто обнялись и разрыдались вместе.

Дахэй и А-Хуан кружили вокруг хозяйки, время от времени поворачивая головы к реке и яростно лая. Сун Цинфэн хорошо держался на воде. Вскоре он вытащил Ло Цинчжу на берег. Одежда Ло Цинчжу промокла насквозь, лицо было бескровным, но, к счастью, он пробыл в воде недолго. Его успели спасти. Выплюнув два глотка воды, он медленно открыл глаза.

— Цинчжу! Сынок мой! Какое же горе на тебя свалилось! Какое горе! Что же случилось?!

Линь Синь-нян зарыдала, бросилась к нему и крепко обняла. Ло Цинчжу долго не мог прийти в себя. Лишь спустя какое-то время он хрипло позвал:

— Мама...

Глаза Линь Синь-нян распухли и покраснели от слёз. Плача, она сняла верхнюю одежду и укутала ею сына, а потом принялась ощупывать его, проверяя, нет ли на нём других ран. Ци Шань говорил, что они всего лишь немного поссорились, но Линь Синь-нян больше боялась, что он поднял на Ло Цинчжу руку. К счастью, никаких следов побоев она не нашла.

Увидев, что Ло Цинчжу жив, Ци Шань с облегчением выдохнул. Но уже в следующий миг лицо его снова стало ужасным. Он поднялся и подошёл ближе, робко позвал:

— Цинчжу...

И тут вдруг заметил что-то. Он встревоженно вскрикнул, замахал руками, беспорядочно жестикулируя:

— Налобная повязка... где налобная повязка? Упала в воду?!

Только теперь все заметили, что лоб Ло Цинчжу был открыт. Белая чистая кожа, а посреди лба красная родинка. От воды она казалась ещё ярче, словно вот-вот закапает алым.

Ци Шань стал шарить то в левом рукаве, то в правом, будто пытался найти какую-нибудь ленту, чтобы повязать Ло Цинчжу на лоб. Ноги его сами собой двинулись вперёд - он хотел приблизиться к Ло Цинчжу.

И именно в этот миг Ло Майэр, как маленькое пушечное ядрышко, резко бросилась вперёд. Она с размаху боднула Ци Шаня головой в живот, и тот рухнул на землю, едва не раскинувшись на спине.

— Убирайся! Не смей подходить к моему брату!

- Трус! Когда мой брат тонул, тебя почему-то видно не было, а теперь ожил?!

— К чёрту эту налобную повязку! Ты только её и видишь, а то, что у моего брата лицо белое как смерть, не видишь?!

Две большие собаки всегда смотрели на то, как ведут себя хозяева. Раньше, когда Ци Шань

приходил к ним, они знали, что он свой, и никогда его не кусали. Но теперь, увидев отношение Ло Майэр, они сразу начали бешено лаять на сидящего на земле Ци Шаня, оскалив белые клыки. В глазах их стоял свирепый блеск, а из глоток вырывалось низкое угрожающее рычание.

Наконец заговорил Сун Цинфэн. Сначала он думал только о спасении и тоже не обратил внимания ни на какую налобную повязку. Лишь после слов Ци Шаня заметил. Та красная отметина на лбу была словно огонь - так обожгла ему глаза.

Он поспешно отвёл взгляд, повернулся боком, спиной к Ло Цинчжу, и хриплым голосом сказал:

— Тётушка, Чжу-гэр только что упал в воду. Лучше бы ему вернуться и переодеться.

Этот голос показался немного знакомым. Ло Цинчжу, словно деревянная кукла, моргнул и машинально поднял глаза на Сун Цинфэна, но увидел лишь высокую широкую спину.

Линь Синь-нян тоже несколько раз кивнула и помогла Ло Цинчжу подняться. В голосе её всё ещё звучали слёзы:

— Мама отведёт тебя домой, Цинчжу. Мама сейчас отведёт тебя домой.

Как бы там ни было, человека нашли. Хотя слёзы Линь Синь-нян всё ещё не прекращались, сердце, застрявшее где-то в горле, наконец-то опустилось обратно.

Все вместе вернулись домой. Ло Майэр, всхлипывая, вошла на кухню варить брату имбирную воду с коричневым сахаром, чтобы прогнать холод. Цинь Баньбань переживала за неё и тоже пошла следом. У девочки слёзы капали одна за другой, но ругалась она весьма свирепо. Она тыкала сухой веткой в очаг и зло приговаривала:

— Трусливая тварь! Вонючий мужик! Посмел обидеть моего брата! Сожгу тебя! Сожгу!

Цинь Баньбань рядом только часто кивала и тоже бормотала:

— Сжечь. Сжечь.

Что до Ло Цинчжу, мать отвела его в комнату и помогла переодеться. После этого его душевное состояние, как ни странно, немного успокоилось. Когда он снова вышел, то наконец увидел лицо Сун Цинфэна и на мгновение замер. Но очень скоро он отвёл взгляд и посмотрел на своего мужа.

Пять лет брака. У них с Ци Шанем были очень хорошие отношения. Он во всём уступал ему, во всём шёл ему навстречу. Раньше даже сам Ло Цинчжу думал, что вышел замуж за хорошего

мужчину.

Но теперь...

Ло Цинчжу смотрел на него. Смотрел, смотрел и вдруг рассмеялся. Только слёзы всё равно покатались по его щекам.

От его взгляда Ци Шаню стало не по себе. У него на душе было нечисто, и он боялся, что Ло Цинчжу выложит всё наружу. Тогда ему и правда будет стыдно людям в глаза смотреть. Подумав о тех делах, он вдруг поспешно шагнул к Ло Цинчжу и с глухим стуком опустился перед ним на колени. Колени тяжело ударились о землю.

Он плакал и умолял:

— Цинчжу, Цинчжу, я ошибся! Я правда понял, что был неправ! Это моя вина, это я плохо поступил, я не человек!

Говоря это, он начал бить себя по лицу то одной рукой, то другой. Бил быстро и сильно, и очень скоро обе щеки распухли и покраснели. Потом, словно этого было мало, он даже стал биться лбом о землю.

Линь Синь-нян увидела это, и лицо её то синело, то бледнело. Раз Ци Шань дошёл до такого, значит, дело точно было не в простой ссоре на пару слов. Тут явно скрывалось что-то ещё. Что-то серьёзное.

Она ничего не сказала, только с ненавистью смотрела, как Ци Шань бьётся головой о землю и признаёт вину.

— Цинчжу! Прости меня в этот раз! Я просто на миг потерял голову! Я правда виноват!

— В конце концов, это дело между нами, супругами. Если раздувать его, ни тебе, ни мне потом не будет лица перед людьми! И на твоей репутации это скажется ещё хуже! Я правда понял свою ошибку, я исправлюсь, больше никогда не посмею!

— Да, разделить... разделить с семьёй! Я ещё могу отделиться! Вернусь и поговорю с родными, мы с тобой будем жить отдельно! Я точно больше не позволю матери тебя притеснять! И впредь во всём буду тебя слушаться!

— Умоляю тебя, Цинчжу!

— Умоляю! Прошу тебя!

Он говорил и снова бился лбом о землю. Под конец даже пополз к Ло Цинчжу на коленях, протягивая руки, будто хотел схватить его за ладонь.

Сун Цинфэн, стоявший у дверей, увидел это и нахмурился, собираясь вмешаться. Но в следующую же секунду вспомнил: это чужое семейное дело, какое он имеет право лезть? Поэтому он только с мрачным лицом отвернулся, а складка между бровями стала ещё глубже.

Ло Цинчжу же отдернул руку от Ци Шаня. Голос его по-прежнему был тихим и мягким, но каждое слово он произносил отчётливо и тяжело.

— Ци Шань, давай разведёмся.

<http://bllate.org/book/17177/1643064>